

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ
В ОЧЕРКАХ АНДРЕ ЖИДА *ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ СССР
И ПОПРАВКИ К МОЕМУ «ВОЗВРАЩЕНИЮ ИЗ СССР»***

**Linguistic Representation of the Interaction between Society
and State in A. Gide's Essays *Return from the U.S.S.R.*
and *Afterthoughts: A Sequel to "Return from the U.S.S.R."***

For a long time André Gide had been considered as one of the loyal "friends of the U.S.S.R.". However, after his trip to the Soviet Union in 1936, he published essays in which he expressed his strong disappointment. In this article main language features that are used for the transmission of the author's impressions from the journey are analyzed, in particular the degree of interference of the totalitarian state in the citizens' life and the consequences of this interference.

Keywords: linguistic representation, André Gide, U.S.S.R.

Во Франции 1930-х гг., в значительной степени подверженной коммунистическому влиянию (что было неудивительно, поскольку коммунисты объявляли себя едва ли не единственной силой, способной противостоять фашизму, стремительно набравшему силу в соседней Германии), восприятие СССР и советской идеологии было преимущественно положительным¹. Тем сильнее оказался эффект, произведённый очерками Андре Жида *Возвращение из СССР (Retour de l'U.R.S.S.)* и *Поправки к моему «Возвращению из СССР» (Retouches à mon «Retour de l'U.R.S.S.»)*, опубликованными в 1936 и 1937 гг. соответственно, и в которых автор, до этого считавшийся другом Советского Союза, демонстрирует неожиданно критический взгляд на советскую действительность. В своей статье мы рассмотрим основные языковые средства, используемые автором для передачи впечатлений от путешествия, в частности – степени

---

¹ N. Garrec, *Images de l'Union soviétique dans la presse française des années trente: rapport entre texte et image*, Lyon 2011, p. 106.

вмешательства тоталитарного советского государства в жизнь общества и последствий этого вмешательства.

В предисловии к «Возвращению из СССР» А. Жид чётко обозначает своё прежнее видение советской России, которое совпадало с позицией многих его современников:

J'ai déclaré, il y a trois ans, mon admiration pour l'U.R.S.S., et mon amour. Là-bas une expérience sans précédents était tentée qui nous gonflait le coeur d'espérance et d'où nous attendions un immense progrès, un élan capable d'entraîner l'humanité tout entière. Pour assister à ce renouveau, certes il vaut la peine de vivre, pensais-je, et de donner sa vie pour y aider. Dans nos coeurs et dans nos esprits nous attachions résolument au glorieux destin de l'U.R.S.S. l'avenir même de la culture ; nous l'avons maintes fois répété. Nous voudrions pouvoir le dire encore².

Ещё три года назад я открыто говорил о своём восхищении и о своей любви к СССР. Там был осуществлён беспрецедентный эксперимент, который наполнял наши сердца надеждой и от которого мы ждали гигантского прогресса, порыва, способного увлечь за собой всё человечество. Я думал, что ради того, чтобы увидеть это обновление, стоит жить и даже отдать свою жизнь. В наших сердцах и умах само будущее культуры было неразрывно связано со славной судьбой СССР; мы неоднократно повторяли это. Мы хотели бы сейчас снова сказать это³.

Многочисленные гиперболы (*une expérience sans précédents était tentée qui nous gonflait le coeur d'espérance – был осуществлён беспрецедентный эксперимент, который наполнял наши сердца надеждой, un immense progrès – гигантский прогресс, un élan capable d'entraîner l'humanité tout entière – порыв, способный увлечь за собой всё человечество, donner sa vie pour y aider – отдать ради этого свою жизнь*) демонстрируют восторженное отношение французских деятелей искусства к молодому советскому государству и большие надежды, которые они на него возлагали. Тем не менее, употребление условного наклонения в конце примера позволяет говорить о сомнениях автора в обоснованности подобного оптимизма.

Описывая своё общее впечатление от поездки в СССР, А. Жид подчёркивает его противоречивость:

Il y a là-bas du bon et du mauvais; je devrais dire: de l'excellent et du pire. L'excellent fut obtenu, au prix, souvent, d'un immense effort. L'effort n'a pas toujours et partout obtenu ce qu'il prétendait obtenir. Parfois l'on peut penser : pas encore. Parfois le pire accompagne et double le meilleur ; on dirait presque

---

² А. Gide, *Retour de l'U.R.S.S. suivi de Retouches à mon «Retour de l'U.R.S.S.»*, Paris 2015, p. 15.

³ Здесь и далее перевод наш. – О.К.

qu'il en est la conséquence. Et l'on passe du plus lumineux au plus sombre avec une brusquerie déconcertante⁴.

Там есть и хорошее, и плохое; вернее – превосходное и ужасное. Ценой превосходного стали зачастую невероятные усилия. Эти усилия не всегда и не везде привели к тому, к чему должны были привести. Иногда можно подумать: пока не привели. Иногда худшее идёт следом за лучшим и даже обгоняет его; вероятно, оно даже становится его следствием. И происходит обескураживающе резкий переход от самого светлого к самому мрачному.

В данном примере фундаментальная антитеза *du bon et du mauvais* – *хорошее и плохое* приобретает гиперболический характер (*de l'excellent et du pire* – *превосходное и ужасное, le pire – le meilleur: худшее - лучшее*), акцентируя крайности, в которые склонна впадать советская реальность. Упомянутая выше антитеза выражена также метафорическими гиперболами *du plus lumineux au plus sombre* – *от самого светлого к самому мрачному*, причём обращает на себя внимание порядок их употребления: положительно окрашенный элемент сменяется отрицательно окрашенным, без эксплицитно выраженного обратного действия, что также служит для характеристики жизни в СССР, какой её увидел А. Жид.

Наиболее выраженной положительной характеристикой в тексте наделены собственно советские люди, в частности – дети:

Les enfants, dans tous les campements de pionniers que j'ai vus, sont beaux, bien nourris (cinq repas par jour), bien soignés, choyés même, joyeux. Leur regard est clair, confiant; leurs rires sont sans malignité, sans malice; on pourrait, en tant qu'étranger, leur paraître un peu ridicule: pas un instant je n'ai surpris, chez aucun d'eux, la moindre trace de moquerie⁵.

Во всех пионерских лагерях, которые я видел, дети красивые, их хорошо кормят (пять раз в день), о них хорошо заботятся, даже балуют, они всегда веселы. Взгляд их ясен и открыт; в их смехе нет ни капли злобы или лукавства; иностранец вполне мог бы показаться им смешным, но ни разу я не заметил ни у кого из них ни малейшего следа насмешки.

Мелиоративные эпитеты *beaux* - *красивые, bien nourris* – букв. *те, которых хорошо кормят, bien soignés* – букв. *те, о ком хорошо заботятся, choyés* - *балованные, joyeux* - *весёлые, clair* - *ясный, confiant* - *открытый* свидетельствуют о внешнем благополучии быта советских детей. Однако, близкие по значению лексемы *malignité, malice* и *moquerie*

⁴ *Ibidem*, p. 17.

⁵ *Ibidem*, p. 23.

– злора, лукавство и насмешка в сопровождении отрицания, под конец даже двойного (*pas un instant, chez aucun d'eux – ни разу ни у кого из них*), позволяют предположить некую искусственность и даже сформированность советского человека, поскольку лексема *malice* не подразумевает злой насмешки (в отличие от *malignité* и *moquerie*)⁶, и, соответственно, отсутствие качества, которое она обозначает, едва ли может считаться очевидным достоинством. Говоря о поведении взрослых, автор также подчёркивает их серьёзность и размеренность во всём, даже в проведении досуга. Приведём несколько примеров, описывающих развлечения в советских парках культуры и отдыха которые автор определяет как «несомненный успех» – «d'incontestables réussites»⁷ культурной политики советского государства:

1) Dans cette foule de jeunes gens, hommes et femmes, partout le sérieux, la décence; pas le moindre soupçon de rigolade bête ou vulgaire, de gaudriole, de grivoiserie, ni même de flirt. On respire partout une sorte de ferveur joyeuse. Ici, des jeux sont organisés; là, des danses; d'ordinaire, un animateur ou une animatrice y préside et les règle, et tout se passe avec un ordre parfait⁸.

В этой толпе молодых людей, мужчин и женщин, везде царят серьёзность и благопристойность; ни малейшего намёка на глупые, вульгарные и чересчур откровенные шутки, на вольности и даже на флирт. Всё вокруг дышит радостным оживлением. Вот здесь организованы игры, там – танцы; обычно их ведёт и контролирует ведущий или ведущая, и всё происходит в полном порядке.

2) Tout cela, je le répète, sans la moindre vulgarité; et toute cette foule immense, d'une tenue parfaite, respire l'honnêteté, la dignité, la décence...⁹

Всё это, повторяю, без малейшей вульгарности; и вся эта толпа, безупречно одетая, буквально дышит порядочностью, достоинством, благопристойностью...

3) On écoute avec un grand sérieux. Je l'ai dit, je n'ai surpris nulle part le moindre essai de moquerie¹⁰.

Все слушают очень серьёзно. Как я уже говорил, нигде я не заметил даже малейшей попытки насмешки.

В приведённых примерах стоит отметить повтор лексем *le sérieux* – серьёзность и *la décence* – благопристойность, а также формально мелиоративного эпитета *parfait* – безупречный в сочетаниях *un ordre parfait* – полный порядок и *une tenue parfaite* – безупречная одежда. Всё

---

⁶ <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>, (дата доступа: 31.10.2018).

⁷ А. Гиде, *op. cit.*, p. 23.

⁸ *Ibidem*.

⁹ *Ibidem*, p. 25.

¹⁰ *Ibidem*.

вышеперечисленное указывает на тщательную организацию всех развлечений советского человека, где нет места импровизации или несанкционированному веселью. Отдельно обращает на себя внимание употребление лексемы *foule* – *толпа* применительно к отдыхающим: далее в своём очерке А. Жид неоднократно отмечает практически полную деперсонализацию советского общества, что уже эксплицитно вступает в противоречие со всеми положительными характеристиками, рассмотренными выше. В качестве иллюстрации этой мысли приведём наиболее показательные примеры:

1) J'ai visité plusieurs des habitations de ce kolkhoze très prospère... Je voudrais exprimer la bizarre et attristante impression qui se dégage de chacun de ces «intérieurs»: celle d'une complète dépersonnalisation. Dans chacun d'eux les mêmes vilains meubles, le même portrait de Staline, et absolument rien d'autre ; pas le moindre objet, le moindre souvenir personnel¹¹.

Я побывал во многих домах этого процветающего колхоза... Хочу сказать, что каждый из этих «интерьеров» производит странное и угнетающее впечатление полной потери личности. В каждом жилище стоит одна и та же уродливая мебель, висит один и тот же портрет Сталина, и больше ровным счётом ничего; ни одной личной вещи, ни одной личной безделушки.

2) En U.R.S.S. il est admis d'avance et une fois pour toutes que, sur tout et n'importe quoi, il ne saurait y avoir plus d'une opinion. Du reste, les gens ont l'esprit ainsi façonné que ce conformisme leur devient facile, naturel, insensible, au point que je ne pense pas qu'il y entre de l'hypocrisie¹².

В СССР раз и навсегда установлено, что по любому вопросу может быть только одно мнение. Впрочем, людям уже до такой степени промыли мозги, что подобный конформизм даётся им легко, став для них естественным и незаметным, так что я не думаю, что сюда могло закрасться лицемерие с их стороны.

В первом примере повторы прилагательного *tete* – *один и тот же*, с одной стороны, и суперлатива *le moindre* – *малейший* в отрицательном значении, с другой, создают эффект полной потери индивидуальности в новом советском обществе, полностью подчинённом воле вышестоящих; эта мысль косвенно подтверждается употреблением лексемы *intérieurs* – *интерьеры* в кавычках – приём, который обычно призван выразить ироническое отношение говорящего. Отметим также, рассматривая второй пример, принципиально значимую в данном контексте метафору *l'esprit façonné* – *промывание мозгов* и восходящую градацию *facile, naturel, insensible* – *лёгкий, естественный, незаметный*, которые показывают

---

¹¹ *Ibidem*, p. 43.

¹² *Ibidem*, p. 45.

степень воздействия государственной пропаганды на умы граждан и лёгкость, с которой последние поддаются влиянию, способствуя стиранию любого разнообразия в обществе.

Подчеркнём, что неприглядная сторона отношений советского человека и государства занимает в очерках А. Жида центральное место. Социальная несправедливость, непогрешимость официальной идеологии, репрессии, доносы – все эти элементы советской действительности противоречат привлекательному образу, который государство стремилось создать среди иностранцев, и, с точки зрения А. Жида, оказываются более весомыми факторами при оценке качества жизни в СССР, что подтверждается следующими примерами:

1) On en vient à se défier de tout et de tous. Les propos innocents des enfants peuvent vous perdre. On n'ose plus parler devant eux. Chacun surveille, se surveille, est surveillé. Plus aucun abandon, aucun libre-parler...¹³

В результате люди начинают остерегаться всего и вся. Даже какая-нибудь невинная детская фраза может вас погубить. Уже никто не решается разговаривать в присутствии детей. Каждый следит, за другими и за собой, и за ним тоже следят. Ни на секунду нельзя расслабляться, ни слова нельзя сказать без оглядки...

2) ...où l'on trouvait hier, autour de soi, aide, appui, protection, connivence, on ne rencontre plus que surveillance et délation¹⁴.

...там, где раньше можно было всегда найти помощь, поддержку, защиту, понимание, сегодня остались только слежка и доносы.

3) Du haut en bas de l'échelle sociale reformée, les mieux notés sont les plus serviles, les plus lâches, les plus inclinés, les plus vils. Tous ceux dont le front se redresse sont fauchés ou déportés l'un après l'autre. Peut-être l'armée rouge reste-t-elle un peu à l'abri? Espérons-le; car bientôt de cet héroïque et admirable peuple qui méritait si bien notre amour, il ne restera plus que des bourreaux, des profiteurs et des victimes¹⁵.

Сверху донизу обновлённой социальной лестницы на самом лучшем счету оказываются самые услужливые, самые трусливые, самые раболепные, самые ничтожные. Все, кто отказался склонить голову, были либо уничтожены, либо сосланы один за другим. Возможно, хотя бы красная армия в безопасности? Будем надеяться, так как иначе от этого героического и прекрасного народа, который был так достоин нашей любви, вскоре останутся лишь палачи, спекулянты и жертвы.

В приведённых примерах обращает на себя внимание антитеза между прошлым и настоящим, выраженная перечислениями *aide*, *appui*,

---

¹³ *Ibidem*, pp. 130-131.

¹⁴ *Ibidem*, p. 132.

¹⁵ *Ibidem*.

protection, connivence (помощь, поддержка, защита, понимание)–
surveillance et délation (слежка и доносы), а также мелиоративными
эпитетами *cet héroïque et admirable peuple* – этот героический
и прекрасный народ, с одной стороны, и перечислением *des bourreaux, des*
profiteurs et des victimes – палачи, спекулянты и жертвы, с другой.
Также отметим восходящую градацию *chacun surveille, se surveille, est*
surveillé – каждый следит, за другими и за собой, и за ним тоже следят,
демонстрирующую удручающую ситуацию в обществе, где нельзя
доверять даже самым близким людям, чтобы не оказаться осуждённым по
ложному доносу. В то же время, гиперболическое перечисление *les plus*
serviles, les plus lâches, les plus inclinés, les plus vils – самые услужливые,
самые трусливые, самые раболепные, самые ничтожные чётко обозначает
качества, необходимые для того, чтобы преуспеть в новом государстве. Тех,
кто не соответствует заданным «критериям», ждёт одна и та же судьба – так
же, как и тех, кто имеет неосторожность хоть в чём-то отклониться от
продиктованной «сверху» общепринятой позитивной линии поведения:
«Si tout ce que nous voyons en U.R.S.S. paraît joyeux, c'est aussi que tout ce qui
n'est pas joyeux devient suspect ; c'est qu'il est extrêmement dangereux d'être
triste, ou du moins de laisser paraître sa tristesse. La Russie n'est pas un lieu pour
la plainte ; mais la Sibérie¹⁶» («Всё, что мы видим в СССР, выглядит
радостным, но лишь потому, что всё, что не излучает радость, вызывает
подозрение; здесь крайне опасно быть печальным или каким-либо образом
показывать своё плохое настроение. Россия не место для жалоб, а вот
Сибирь – вполне»).

Контекстуальная антитеза *joyeux – suspect* (радостный – подозри-
тельный) придаёт описываемому положению дел оттенок гротеска: любой,
кто недостаточно бурно радуется жизни в прекрасной молодой стране,
автоматически причисляется к врагам и подлежит исключению из
общества.

В конце очерка «Поправки к моему "Возвращению из СССР"» автор
делает вывод, не слишком утешительный с точки зрения будущего
советской России: «Mais nous ne détournerons pas de toi nos regards, glorieuse
et douloureuse Russie. Si d'abord tu nous servais d'exemple, à present hélas! tu
nous montres dans quels sables une révolution peut s'enliser¹⁷» («Но наши
взгляды не отвернутся от тебя, славная и скорбная Россия. Если вначале ты
служила нам примером, то теперь, увы, ты показываешь нам, в каких
зыбучих песках может увязнуть дело революции»).

Эпитеты *glorieuse et douloureuse Russie* – славная и скорбная
Россия, а также антитеза *tu nous servais d'exemple – dans quels sables une*

¹⁶ *Ibidem*, p. 163.

¹⁷ *Ibidem*, p. 168.

révolution peut s'enliser (ты служила нам примером – в каких зыбучих песках может увязнуть дело революции) показывают контраст между прошлым (которое, по мнению А. Жида, было не таким мрачным, как его пытается представить новая власть) и настоящим, которое представляет весьма туманные перспективы развития, что акцентируется за счёт метафорического употребления глагола *s'enliser* - *увязнуть*, обозначающего застой и отсутствие какой-либо эволюции.

Подводя итог, подчеркнём, что в очерках А. Жида противопоставляются радужные ожидания, которые автор связывал с поездкой в Советский Союз, и реальность, которая оказывается гораздо менее однозначной, поскольку государство вмешивается практически во все сферы жизни своих граждан, вплоть до самых интимных. Для изображения непосредственно советских людей используются мелиоративно окрашенные эпитеты и лексемы, также обладающие положительной коннотацией, однако при описании взаимоотношений человека и государства в СССР, наиболее частотным средством репрезентации становятся антитезы, а также метафоры с негативной коннотацией, демонстрирующие давление, которое оказывает на человека государственная пропаганда, и опасность, которой подвергаются те, кто выражает несогласие с общей линией.

ЛИТЕРАТУРА:

- Dictionnaire de français Larousse*. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата доступа: 31.10.2018).
- Garrec N., *Images de l'Union soviétique dans la presse française des années trente: rapport entre texte et image*, Lyon 2011.
- Gide A., *Retour de l'U.R.S.S. suivi de Retouches à mon «Retour de l'U.R.S.S.»*, Paris 2015.